

С.П. Бычков

Даву

Доктрина совести и отвлеченного гуманизма определила собой сцену допроса Пьера маршалом Даву, которого Толстой за беспримерную жестокость в другом месте романа справедливо называет Аракчеевым Наполеона, а здесь рисует его человеколюбие.

Писатель выделяет одну черту во всем облике и поведении Даву: «холодное лицо», «мерный, холодный голос» — все это выражало жестокость маршала, отсутствие в нем человеческой теплоты и человеческого участия к своим жертвам. Но оказывается, что эти внешние портретные детали не выражали сущности Даву: на самом деле он был иным. Пьер считал себя обреченным на казнь, его судьба находилась в руках этого страшного человека, которому, казалось, были чужды все человеческие движения и порывы. Но стоило Пьеру и Даву на несколько секунд встретиться глазами, как между ними «установились человеческие отношения». Жизнь Пьера была спасена, потому что Даву увидел в нем человека, а до этого он был для него только «обстоятельством»:

«Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья».

Внешняя холодность Даву, оказывается, не выражала его настоящих качеств: во всем виноват был «порядок», «склад обстоятельств», то есть нечто обезличенное, бездушное, стоящее над человеком, в том числе над Даву. И этот неумолимый «порядок» вынуждал его совершать жестокие дела, разговаривать «холодным» голосом, посылать людей на казнь, но все это совершалось по необходимости, все это являлось внешним проявлением его деятельности, а внутренне он такой же человек, и все они — и палач, и жертва — «дети человечества».

И хотя в основе этой сцены лежит действительный исторический факт (аналогичная встреча с Даву была у В.А. Перовского), тем не менее вся она является ложной от начала до конца, так как в ней воплощена ложная доктрина совести и «всеобщей» любви. Здесь правда единичного факта, произвольно обобщенная, превратилась в ложь.